

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2026. Том 30, № 2
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья
УДК 821.161.1Шолохов411
ББК 83.3(2=411.2)6
<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-2-148-161>

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ФУНКЦИИ ПОСВЯЩЕНИЯ В РАССКАЗЕ «СУДЬБА ЧЕЛОВЕКА» М. А. ШОЛОХОВА

Сергей Анатольевич Васильев

Московский городской педагогический университет, Москва, Россия

Аннотация. Впервые подробно выявляются художественные функции посвящения в рассказе «Судьба человека» М. А. Шолохова: «Евгении Григорьевне Левицкой, члену КПСС с 1903 года». Этот неотъемлемый элемент художественной структуры произведения ранее комментировался исключительно в связи с личностью Е. Г. Левицкой, сыгравшей значительную роль в публикации первых двух книг шолоховского романа «Тихий Дон» и ставшей для писателя настоящим другом на всю жизнь. Однако смысл посвящения оказывается гораздо более значительным, не только как знак благодарности и признательности литератора своей «мамуне», «крестной маме» его главного романа, но и в связи с трагическими страницами биографии членов ее семьи — дочери, М. К. Левицкой, и зятя, выдающегося инженера И. Т. Клейменова. Важную роль играет упоминание в посвящении партии, сформировавшей реалии советской действительности и мировоззрения, а также анахронизм — именование партии как КПСС, а не РСДРП(б), в которую реально вступила Левицкая в 1903 г. Год вступления в партию имеет значение. В его указании может содержаться не просто подтверждение партийного стажа и авторитета Левицкой как старой большевички, но и отголосок борьбы со сплетней о плагиате, возникшей и быстро разоблаченной в конце 1920-х гг.

Ключевые слова: М. А. Шолохов, рассказ «Судьба человека», посвящение, Е. Г. Левицкая, КПСС, 1903 г.

Для цитирования: Васильев С. А. Художественные функции посвящения в рассказе «Судьба человека» М. А. Шолохова // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2026. Т. 30, № 2. С. 148–161. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-2-148-161>

Original article

ARTISTIC FUNCTIONS OF DEDICATION IN M. A. SHOLOKHOV'S STORY "THE FATE OF A MAN"

Sergey A. Vasilyev

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Abstract. This article provides the first detailed examination of the artistic functions of the dedication in M. A. Sholokhov's short story "The Fate of a Man": "To Evgenia Grigoryevna Levitskaya, member of the CPSU since 1903." This integral element of the work's artistic structure has previously been commented on solely in connection with the personality of E. G. Levitskaya, who played a significant role in the publication of the first two books of Sholokhov's novel "And Quiet Flows the Don" and became a true lifelong friend to the writer. However, the meaning of the dedication turns out to be much more significant, not only as a token of the writer's gratitude and appreciation to his "mamunya", the "godmother" of his major novel, but also in connection with the tragic pages of the

biography of her family members - his daughter, M. K. Levitskaya, and son-in-law, the distinguished engineer I. T. Kleymenov. The dedication's mention of the party that shaped the realities of Soviet life and worldview plays a significant role, as does the anachronism of referring to the party as the CPSU, rather than the RSDLP(b), that Levitskaya actually joined in 1903. The year of her joining the party is significant. Its inclusion may not simply reflect Levitskaya's party standing and authority as an Old Bolshevik, but rather echo the fight against plagiarism rumors that arose and were quickly exposed in the late 1920s.

Key words: *M.A. Sholokhov, short story "The Fate of a Man", dedication, E. G. Levitskaya, CPSU, 1903*

For citation: Vasilyev, S. A. (2026). Artistic functions of dedication in M. A. Sholokhov's story "The Fate of a Man". *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 30, no. 2, pp. 148-161. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2026-2-148-161>

Введение

Посвящение — один из тех элементов композиции произведения, его заголовочного комплекса, а также его рамы, которые восходят к античной литературе и имеют давнюю традицию изучения. Во многих научных работах изучаются разные посвящения, особенно к лирическому шедевру К*** («Я помню чудное мгновенье...») А. С. Пушкина (факт посвящения А. П. Керн в некоторых работах ставится под сомнение) или к стихотворениям М. Ю. Лермонтова [Андронников, 1962; Ульянова].

Как отмечено в «Краткой литературной энциклопедии», посвящение в широком смысле — указание автором лица, честь или память которого он желает почтить своим произведением, в узком — стихотворное обращение к такому лицу, содержащее мотивы, характеристику адресата или произведения. Посвящение может быть отдельной строкой, обращением перед текстом или самостоятельным лирическим произведением [Калашников, 1968, стб. 904].

По мнению А. В. Ламзиной, «посвящение — указание лица, которому предназначается или в честь кого написано данное произведение. Возникнув в эпоху античности <...> со временем посвящения приобретают более интимный характер, становятся выражением искренней дружбы и сердечной привязанности, нередко — особым знаком литературной преемственности...» [Ламзина, 2001, стб. 851]. Об исследовании рамы произведения она пишет следующее: «Важнейший аспект изучения рамочного текста — внутритекстовые функции каждого из его компонентов. При этом рамочные компоненты целесообразно рассматривать не по отдельности, а в их связи друг с другом и с основным текстом произведения, т. к. в художественном целом выполняемые ими функции могут перераспределяться» [Ламзина, 2001, стб. 849].

Н. А. Веселова указывает, что «посвящение — обычно минимально семантизированный элемент заголовочного комплекса. Конечно, оно тоже участвует в формировании предпонимания, ведь даже если посвящение обозначено двумя-тремя буквами, значим уже сам факт адресации. Полноценная смысловая наполненность посвящения возникает за счет знакомства с фактами биографии автора, но они далеко не всегда известны» [Веселова, 1999, с. 50].

Посвящения в прозе, в отличие от поэтических текстов, встречаются гораздо реже и обычно не привлекают столь пристального, как в поэзии, внимания исследователей, хотя кратко и комментируются. Так, в русской прозе второй половины XIX — начала XX в. есть несколько характерных посвящений: «Песнь торжествующей любви» И. С. Тургенева — «Посвящается памяти Гюстава Флобера» [Тургенев, 1982, с. 47], одного из литературных кумиров и близкого друга автора [Толова, 2009]; роман «Братья Карамазовы» Ф. М. Достоевского — «Посвящается Анне Григорьевне Достоевской» [Досто-

евский, 1976, с. 5], супруге и единомышленнику писателя; повесть «Яма» А. И. Куприна имеет парадоксальное посвящение, своего рода предостережение, что было отмечено критикой [Ротштейн, 1964, с. 455]: «Знаю, что многие найдут эту повесть безнравственной и неприличной, тем не менее от всего сердца посвящаю ее *матерям и юношеству* (Курсив здесь и далее наш. — С. В.)» [Куприн, 1964, с. 5].

Исследование и его результаты

Посвящение к рассказу «Судьба человека» хорошо известно: «Евгении Григорьевне Левицкой, члену КПСС с 1903 года» [Шолохов, 1986, с. 528]. Характерно, что в некоторых современных интернет-публикациях произведения оно либо снимается полностью, либо сокращается. Например, на портале для детей и их родителей «Ну-ка дети» посвящение вообще не приводится [URL: <https://nukadeti.ru/rasskazy/sudba-cheloveka>], а на ресурсе «Азбука веры» текст шолоховского рассказа предваряет только имя: «Евгении Григорьевне Левицкой» [URL: <https://azbyka.ru/fiction/sudba-cheloveka-mihail-sholohov/>]. Видимо, на православном сайте решили не упоминать Коммунистическую партию Советского Союза (ранее — РСДРП), членом которой задолго до революции стала Е. Г. Левицкая. Вряд ли это способствует лучшему пониманию содержания произведения и эпохи его создания. Такие факты, помимо прочего, побуждают активнее заняться функциями посвящения к «Судьбе человека».

В шолоховедческой литературе обращалось внимание на посвящение к «Судьбе человека». Смысл его понимался в связи с обстоятельствами биографии писателя, историей публикации «Тихого Дона», чему активно способствовала Е. Г. Левицкая, и теми, действительно, дружескими, доверительными, сыновье-материнскими отношениями, распространившимися и на членов ее семьи. В. В. Васильев, комментируя шолоховский рассказ, писал: «Посвящение *Евгении Григорьевне Левицкой, члену КПСС с 1903 года*, обязано своим появлением многолетней дружбе Шолохова с одним из первых читателей и редакторов „Тихого Дона“, высоко оценивших талант молодого художника» [Васильев, 2001, с. 370].

Как уже отмечалось, посвящение является «выражением искренней дружбы и сердечной привязанности» [Ламзина, 2001, стб. 851]. В этом плане посвящение к «Судьбе человека» — знак величайшей благодарности, признательности, любви писателя к своему старшему товарищу и практически члену его семьи — Е. Г. Левицкой. Характер их отношений хорошо раскрывается в письмах М. А. Шолохова к ней (она была одним из главных его адресатов), в описании редких, но теплых, сердечных встреч, в той трогательной и энергичной заботе, которую они проявляли по отношению друг к другу. По воспоминаниям М. К. Левицкой, «...мать никогда не искала для себя выгод и привилегий. <...> Вот эти духовные свойства, я думаю, и потянули к ней Михаила Шолохова. Другого такого человека он не встречал. Считал второй матерью: так и называл. Особенно хлопотал о ней в конце жизни. Ей Шолохов посвятил рассказ „Судьба человека“ — „Евгении Григорьевне Левицкой, члену КПСС с 1903 года“» [Цит. по: Колодный, 1995, с. 89–90]. Материал о Е. Г. Левицкой компактно представлен в «Шолоховской энциклопедии» [Кудряшова, 2012].

Казалось бы, все понятно, исследовательской проблемы в случае с посвящением к шолоховскому рассказу не существует. Как уже отмечалось, оно обретает полноценную смысловую наполненность после изучения фактов

биографии автора [Веселова, 1999, с. 50]. А положительная, неоценимая по оказанной молодому писателю поддержке роль Е. Г. Левицкой в жизни и творчестве Шолохова хорошо известна.

Зададимся вопросом: что можно сказать о роли посвящения к «Судьбе человека», если к контексту произведения привлечь биографию не писателя, а объекта посвящения и его семьи? Сам факт посвящения, включенного в художественную ткань рассказа, а значит, обладающего несомненными художественными функциями, не только позволяет, но и требует такого анализа.

О Е. Г. Левицкой известно не так уж много, а современники М. А. Шолохова знали и того меньше. О своей революционной юности она рассказала в двух статьях мемуарного характера [Левицкая, 1922а, 1922б], а также двух тетрадах, написанных для себя и ближайших членов семьи, в стол, позже их обнаружил и издал к столетнему юбилею М. А. Шолохова известный журналист и краевед Л. Колодный [Левицкая, 2005].

Е. Г. Левицкая вела очень скромный образ жизни, не являясь публичной фигурой. О ней, в отличие от ее мужа, Константина Осиповича Левицкого (1868–1919), игравшего видную роль в Одесской партийной организации, не упоминается в справочных изданиях по истории партии. По ее биографии требуется значительная работа исследователя. Материалы, связанные с Е. Г. Левицкой, хранятся в архиве Института мировой литературы РАН. Сведения о ней удалось разыскать в Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ).

В РГАСПИ содержится документ, из которого можно узнать ее партийную кличку: «Нина Алекс.» [Список присутствующих ... , л. 3]. Изредка, еще в 1920-е гг., она выступала с небольшими публикациями мемуарного характера [Левицкая, 1922а, 1922б]. В анкете партийной переписи 1926 г. Е. Г. Левицкая указывает год приема в партию — 1903 — и сообщает номер партийного билета: № 1036476 [Анкета партийной переписи ... , л. 35–35 об.]. Судя по этим документам, она работала в ячейке с 1902 по 1907 г. В регистрационном бланке члена ВКП(б) 1936 г. в добавление к году приема в партию указана и партийная ячейка: Одесский комитет ВКП(б). На этом листе стоит номер ее нового партийного билета: № 0001277 [Регистрационный бланк ...].

Что же может сближать биографию Е. Г. Левицкой и членов ее семьи с тем, что описано в рассказе «Судьба человека»? Ведь ей М. А. Шолохов посвятил именно это произведение, а не «Тихий Дон», для публикации которого она сделала столь много.

В случае с шолоховским творчеством, обладающим колоссальным, можно сказать, бесконечным, содержательным потенциалом, маловероятно простое, формальное посвящение. Свою признательность он мог выразить и выражал и словом, и деятельной помощью Е. Г. Левицкой, особенно к концу ее жизни, когда это стало необходимо. Слова благодарности и признательности он, кстати, высказывал и ранее, надписав на титульной странице 2-й книги «Тихого Дона», вышедшей 2-м изданием в издательстве «Московский рабочий», где трудилась Е. Г. Левицкая: «Евгении Григорьевне Левицкой, с большой благодарностью и еще большим уважением. М. Шолохов» [Цит. по: Кузнецов, 2005, с. 423] (данная надпись, правда, может вызвать вопрос как минимум о ее датировке). Но эти слова, в отличие от посвящения к рассказу «Судьба человека», став фактом биографии, не превратились в факт творчества и, конечно, художественных функций не имеют.

Андрей Соколов, герой шолоховского рассказа, проходит страшные испытания, переживает не только тяготы войны и плена, но и потерю близких, всей семьи, что для него стало самым тяжелым, подлинно трагическим событием. Он, сопоставляемый литературоведами с библейским Иовом, напряженно ищет ответ на вопрос о смысле случившихся с ним трагических перипетий, пытается разгадать скрытый смысл выпавшей ему на долю судьбы, спрашивает себя, нет ли в произошедшем его личной вины, внутренне упрекает себя за то, что оттолкнул жену при прощании, думая, что она пророчит его смерть.

Были ли трагические испытания в жизни Е. Г. Левицкой и, если да, связаны ли они с членами ее семьи, их потерей? Автобиографические тетради свидетельствуют, что таких испытаний, которые могли потрясти ее душу и остаться незаживающими ранами до конца дней, в дореволюционную эпоху ее партийной жизни и борьбы не было. Борьбу она вела, веря в революционные идеалы, вместе со своим мужем и старшим товарищем К.О. Левицким, видным большевиком, работавшим, в частности, на Украине, в Одессе. Пережитые аресты и ссылки были серьезным испытанием, но, случившиеся в молодые годы, да еще и вместе с любимым мужем, закалили ее характер, упрочили убеждения, позволили глубже познакомиться с Россией.

Самое страшное, надо полагать, началось позже, уже после смерти мужа и в иную эпоху. В 1937 г. по ложному доносу был арестован и вскоре расстрелян зять Е. Г. Левицкой, муж ее дочери, Маргариты Константиновны, Иван Терентьевич Клейменов, выдающийся военный инженер, один из создателей реактивного миномета «Катюша», позже реабилитированный и награжденный орденом Ленина с присвоением звания Героя Социалистического Труда (посмертно). М. А. Шолохов и И. Т. Клейменов дружили, вместе охотились, отдыхали. После ареста инженера писатель встретился с Л. П. Берией, наркомом НКВД, пытаясь узнать о судьбе И. Т. Клейменова, а позже, в 1955 г., хлопотал о его посмертной реабилитации, написав обращение в комиссию партийного контроля при ЦК КПСС: «В 1938 году я ходил к Берия по делу Клейменова. Будучи твердо уверенным в том, что арест Клейменова — ошибка, я просил Берия о тщательном и беспристрастном разборе дела моего арестованного друга. Но Берия при мне, наведя по телефону справки, сказал, что Клейменов расстрелян вскоре же после ареста» [Шолохов, 2003, с. 303]. Об этом свидетельствовала и М. К. Клейменова: «Когда в ноябре 1937 года случилось несчастье с моим мужем Иваном Клейменовым, я дала телеграмму в Вешенскую. Вскоре Шолохов появился в Москве... Ходил на прием к Берии. Был бесстрашен. Но помочь Ивану Терентьевичу уже не мог...» [URL: <https://person.lib48.ru/klejmenov-ivan-terentevich>]. «Супруга Клейменова, Маргарита Константиновна, была арестована на следующий день после мужа и осуждена на 8 лет лагерей. Стараниями М. А. Шолохова она была освобождена в июне 1941 года из Печорского лагеря» [URL: <https://person.lib48.ru/klejmenov-ivan-terentevich>].

Нет сомнений, что эти потери — расстрел зятя и заключение в лагерь дочери, пострадавших безвинно, — легли тяжким грузом на душу Е. Г. Левицкой. В это время М.А. Шолохов активно поддерживал ее: «Ни о какой перемене в отношениях не может быть и речи. Все мы по-прежнему Вас любим и очень часто всех вас вспоминаем» [Шолохов, 2003, с. 214]. Он не только словом, но и делом оказывал Е. Г. Левицкой необходимую и действенную помощь, пытаясь узнать о судьбе И. Т. Клейменова и вызволить из лагеря ее

дочь, невзирая на то, что хлопоты за осужденных могли обернуться и против него самого.

Что могла чувствовать Е. Г. Левицкая, теряя самых близких людей, зная об их невиновности и догадываясь о выдающейся роли зятя в создании оружия будущей Победы? Нет ли параллелей между ее переживаниями, о которых, конечно, хорошо знал М. А. Шолохов, и тем, что думал и говорил Андрей Соколов, потерявший всех своих близких? «Иной раз не спишь ночью, глядишь в темноту пустыми глазами и думаешь: „За что же ты, жизнь, меня так покалечила? За что так исказнила?“ Нету мне ответа ни в темноте, ни при ясном солнышке... Нету и не дождусь!» [Шолохов, 1986, с. 531].

Параллели напрашиваются, тем более что тема репрессий фигурировала и в замысле рассказа, и в его зафиксированной на бумаге творческой истории. Об этом писал литературный секретарь М. А. Шолохова Ф. Ф. Шахмагонов: «...одна поправка всё же обратила на себя внимание. Поворотный момент всего смысла рассказа. После того, как Андрей Соколов пригнал машину с пленным им немецким офицером и был с почетом принят командиром части, получил от него благодарность и право на отпуск, к нему, когда он вышел из землянки, подошёл офицер Смерша. Осталась недописанной фраза: „А теперь, Андрей Соколов, расскажи нам, как ты оказался в плену?“ Упоминание о встрече с офицером Смерша и эта фраза были зачеркнуты жирной чертой» [Шахмагонов, 1997, с. 90]. Он размышлял об этом исключенном эпизоде, возможном сюжете репрессирования героя: «Рассказ не об этом, а о том ужасающем вихре, который пронёсся над Россией, о военном вихре». В ответ на его вопрос по этому поводу писатель после долгой паузы спросил: «А ты думаешь, на свободе легче сложилась его судьба? Жизнь, исковерканная войной, а сплести на то, что его в лагерь отправили, это вылегчить тему... А подумай, и без лагеря, что они получили в награду, солдаты этой войны?» [Цит. по: Шахмагонов, 1997, с. 91].

В беседе о правде в жизни и искусстве с младшим сыном, М. М. Шолоховым, писатель сказал: «...настоящая правда всегда возвышающая. <...> Ты что же, полагаешь, я не знаю, что бывало в плену или после него? Что мне не известны крайние степени одичания человеческого — низости, жестокости, подлости? <...> мне Соколовы нужны. Или ты вместе с М. Н. хотите сказать, что Андрей Соколов — не правда?» [Цит. по: Шолохов, 2009, с. 138]. Добавим, что М. А. Шолохов был абсолютно прав, не подвергая бежавшего из плена Соколова опасности репрессирования не только по художественной логике, но и по историческим фактам. «До конца Великой Отечественной войны более 90 % всех освобождённых после проверки в спецлагерях НКВД, Смершем возвращались в Красную армию или шли восстанавливать порушенное. И лишь очень небольшой процент, примерно 4 %, был арестован, и примерно столько же было отправлено смывать позор кровью в штрафчасти» [Самсонов, 2011].

В этой связи вполне можно провести параллель: Андрей Соколов — Е. Г. Левицкая. Обе фигуры — реальный человек, образ которого стал фактом художественного произведения, и вымышленный персонаж — трагические личности, пережившие безвременные, тяжелейшие, вызывающие нравственный протест потери близких, сохранившие при этом человеческое достоинство и самообладание и вызывающие горячую симпатию писателя. Образ Е. Г. Левицкой, страшные факты биографии членов ее семьи и соответствующие страницы истории страны — своего рода художественное восполнение

той линии, от которой писатель сознательно уклонился, не желая делать Соколова еще и объектом репрессий. Важна для М. А. Шолохова и, вероятно, ассоциативно и для рассказа тоже, судьба М. К. Клеймёновой, не только репрессированной вслед за мужем и, по хлопотам Шолохова, освобожденной из Печорского лагеря в июне 1941 г., но и проявившей незаурядное мужество, характер, патриотизм. Она «с началом войны стала санитаркой в госпитале, и в его составе ушла на фронт, пробыв там больше года» [URL: <https://person.lib48.ru/klejmenov-ivan-terentevich>], «награждена орд. Отечеств. войны 2-й степ., медалями» [Кудряшова, 2012, с. 393]. Это ли не характер, прямо соотносимый с образом Андрея Соколова! Впрочем, для данной эпохи вполне типичный. Е. Пермитин так передает суть шолоховского произведения: «Жить, мучаясь смертельной тоской по погибшим близким, и все-таки работать, и все-таки надеяться — таково краткое содержание рассказа» [Пермитин, 1957].

Данные соображения, конечно, не отменяют основного, давно установленного в шолоховедении генезиса замысла и мотивов «Судьбы человека», своего рода репетицией которого стал знаменитый очерк 1942 г. «Наука ненависти», а непосредственным импульсом к его формированию в писательском сознании выступила известная встреча с водителем-фронтовиком на берегу разлившейся р. Еланки против хут. Моховского весной 1946 г.

Вместе с тем посвящение Е. Г. Левицкой, ставшее неотъемлемым элементом композиции произведения, а значит, и участвующее в формировании содержания рассказа, предполагает не только обращение к биографии автора и его отношениям с объектом посвящения, но и учет биографии того, кому этот рассказ посвящен, анализ трагических обстоятельств в жизни Е. Г. Левицкой и членов ее семьи, имеющих явные параллели и с прямо изображенными коллизиями произведения, и с известным эпизодом его творческой истории. Такой подход позволяет раскрыть новые содержательные планы хрестоматийного шолоховского произведения, уточнить представления об источниках рассказа, круге связанных с ним биографических, исторических, художественно-философских ассоциаций. Учет семейной истории Левицкой, которой посвящена «Судьба человека», дает возможность точнее понять это произведение в контексте всего шолоховского творчества: его писем к Сталину о репрессиях на Дону, одно из которых было передано вождю при участии Е. Г. Левицкой; глав из романа «Они сражались за родину», в которых дается изображение военных сцен и глубоко осмыслены предыстория и причины тяжелого хода Великой Отечественной войны, что отчасти было связано с репрессиями в высшей военной среде. Все эти смысловые планы можно формулировать спустя многие годы благодаря усилиям биографов и исследователей творчества писателя. А для современников М. А. Шолохова, почти ничего не знавших о Е. Г. Левицкой, которая вела непубличный образ жизни, никак не афишируя свое знакомство с гениальным автором и роль в его судьбе, и не имевших сведений о трагических обстоятельствах ее семейной истории, они были полностью закрытыми.

Для чего же М. А. Шолохов упомянул в посвящении не только Е. Г. Левицкую, что понятно как выражение его благодарности, любви и уважения, но и ее членство в партии — «члену КПСС с 1903 года»? Это можно объяснить указанием на тот авторитет, которым пользовалась Е. Г. Левицкая как член партии, вступившая в эту главную для СССР политическую организацию задолго до Великой Октябрьской социалистической революции, а значит, прошедшая труднейший путь ее подготовки: нелегальную работу, преследования,

ссылки и т. д. и принадлежащая к партийной элите, пусть и не номенклатурного характера. Но что это дает для понимания рассказа и ее характеристики? Упоминание о КПСС тоже не может быть случайным.

М. Д. Кокта, киевский журналист, побывавший в Вёшенской и встретившийся с писателем, сообщил о замысле рассказа «Судьба человека» и его воплощении спустя десять лет после памятной встречи М. А. Шолохова с прототипом произведения: «Прошло десять лет. И вот однажды, находясь в Москве, читая и перечитывая рассказы зарубежных мастеров — Хемингуэя, Ремарка и других, рисующих человека обреченным и бессильным, писатель вновь вернулся к прежней теме. Перед глазами снова воскресла, ожила картина незабываемой встречи с шофером у речной переправы. Тем мыслям и образам, которые у него зрели, вынашивались, был дан новый толчок и придана конкретная форма и направленность» [Кокта, 2005, с. 482].

С нашей точки зрения, в этой характеристике авторского осмысления темы, пока еще только внешне не объективированных фактов внутреннего мира писателя есть любопытная деталь, касающаяся повторного обращения М. А. Шолохова к уже известным ему произведениям великих зарубежных современников — Э. Хемингуэя, Э. М. Ремарка и других, писавших о трагических судьбах представителей своего поколения, на долю которых выпали две мировые войны. Она уже привлекала внимание исследователей. Комментируя ее, Н. И. Стопченко писал: «Герой Х., одинокий, обречённый и бессильный, вызвал у него воспоминание о давней послевоенной встрече с ветераном-фронтовиком и усыновлённым им сиротой. Мыслям и образам, к-рые у него вынашивались и зрели, был дан новый толчок, приданы конкретные формы и полемическая направленность. Но полемичность „микроэпопеи“ (Г. Д. Гачев) гораздо шире: она обращена против тех, кто изображает „маленького человека“ лишённым больших жизненных устремлений и радостей, не понимающим смысла тех событий, в к-рых принимает участие. Коренные идеи предстали в рас. взаимосвязанными с рус. реализмом и гуманизмом, что придало всечеловеческому началу в нём величие и силу действительности. Рус. чел. Андрей Соколов знает своё место в жизни и строит её своими руками. Жизнеутверждающий пафос, народность и гуманизм писателя проявился в произв. с огромным мастерством, вызывая мир. успех в показе правды о войне» [Стопченко, 2012, с. 981].

С выводом исследователя, отметившего «жизнеутверждающий пафос, народность и гуманизм» «Судьбы человека», обусловившие новаторство писателя в разработке уже известной мировой литературе тематики, наверное, в целом можно согласиться. Однако абстрактный гуманизм М. А. Шолохову не был свойствен. Он верил не просто в человека и человечество, а, как отмечал М. М. Шолохов, в коллективный разум партии, ее созидательные организационные и иные возможности. Как художник М. А. Шолохов, без сомнения, мыслил в масштабах всей человеческой цивилизации, но как человек, и об этом нельзя забывать, он имел вполне конкретную политическую позицию: являлся членом партии с 1932 г. (кандидатом — с 1930 г.), одним из наиболее влиятельных коммунистов, членом ЦК КПСС, также в течение пяти созывов — депутатом Верховного Совета СССР. Писатель никогда не следовал обращенным в его адрес партийным (или маскирующимся под таковые) установкам, которые стесняли бы его творческую волю. Однако и делать из него своего рода диссидента, постоянно сопротивляющегося партийной работе и ее влия-

нию на него и общество, как это произошло в некоторых биографиях писателя, тоже никак нельзя [Осипов, 2005].

Раз М. А. Шолохов упомянул КПСС в посвящении к рассказу — значит, в этом был смысл, с этим связаны определенные художественные функции. И та альтернатива художественным решениям Э. М. Ремарка и Э. Хемингуэя, которая, по наблюдениям исследователей, содержится в шолоховском рассказе, предполагает и обращение к советской и партийной идеологии. Это никак не проявляется в самом рассказе: Андрей Соколов — масштабнейшее художественное обобщение, простой русский человек, рядовой воин, беспартийный. Но именно посвящение добавляет соответствующий акцент: народное сопротивление германской агрессии, Отечественная война шли под руководством РКП(б) (позже — КПСС), без которой и Великая Победа была бы невозможна. Исключать партию из формирования культурного стиля эпохи, а также того типа характера, который представлен в образе Андрея Соколова, было бы не исторично и не вполне корректно в плане анализа персонажа. М. А. Шолохов в очередной раз счастливо избежал следования прямому партийному диктату, в полной мере реализовал свою творческую волю, создал образ общечеловеческого значения и вместе с тем через упоминание членства в КПСС Е. Г. Левицкой сформировал нужный контекст и наметил соответствующие содержательные планы произведения. Он не только создал «русский характер» [Пермитин, 1957], как это было воспринято, и вполне справедливо, уже в начале 1957 г., не только воплотил «всечеловеческое начало», как это было принято подчеркивать в 2000-х гг., но и указал на то, что в свое время именовалось «советским гуманизмом» [Макаренко, 1986] и было не пропагандистским штампом (или не только им), но несомненной реальностью общественной и политической жизни страны, то, с чем, надо полагать, М. А. Шолохов связывал свои надежды на коллективный разум партии [Шолохов, 2009].

К образу героя, подчеркнем, прямого отношения это указание не имеет, но эпоха и соответствующие смысловые планы в произведении через этот прием были созданы. В этой связи напомним название круглого стола, посвященного 105-летию юбилею М. А. Шолохова, состоявшегося в 2010 г. на кафедре русской классической литературы и славистики Литературного института им. А. М. Горького: «Шолохов: советский, русский, всемирный» [Шолохов, 2024]. Советскость шолоховского образа имеет сущностную, не казенную и конъюнктурную природу, на которую прямо указывает уже посвящение к произведению, что игнорировать без ущерба для понимания содержания произведения никак нельзя.

М. А. Шолохов в посвящении указал, очевидно, со слов самой Е. Г. Левицкой, год ее вступления в партию — 1903, и партию он назвал современным ему именованием — КПСС, что является сознательным анахронизмом. В томе писем М. А. Шолохова, в частности, сказано: «член ВКП(б) с 1903 г.» [Шолохов, 2003, с. 22]. Как видно, и здесь допущен анахронизм: партия называлась ВКП с 1925 по 1952 г., а с 1952 г. — КПСС. В «Шолоховской энциклопедии» [Кудряшова, 2012, с. 392] и, например, на интернет-портале «Герои страны» [URL: https://warheroes.ru/hero/hero.asp?Hero_id=10277], партия, в которую вступила Левицкая, названа точно — РСДРП(б).

Наверное, приведенная ситуация не возникла случайно. Указывая современное для времени создания рассказа «Судьба человека» название партии и дату вступления в партию Е. Г. Левицкой, отсылающую к дореволюционному этапу политической жизни, писатель своим художественным приемом

подчеркивает ее единство. Возможно, в этом проявилось несогласие со словом, произошедшим в партийной и идеологической жизни страны как раз в 1956 г., на исходе которого и было создано произведение, — с развенчанием культа личности, печально знаменитым докладом Н. С. Хрущева, сделанным после его официального завершения XX съезда КПСС, без предварительного оповещения о теме выступления и без прений по его итогам, против всех организационных правил партийной демократии. Хрущевскую оттепель М. А. Шолохов, как известно, внутренне не принял, а о И. В. Сталине, в отличие, например, от Л. П. Берии, сохранял высокое мнение, понимая всю сложность обсуждаемой проблемы.

Остается прокомментировать важность указания года вступления Е. Г. Левицкой в партию. И здесь ключом оказывается ее биография и отношение к шолоховскому творчеству. Необходимо вспомнить сплетню о плагиате М. А. Шолохова, возникшую в конце 1920-х гг. и быстро купированную, хотя и доставившую писателю много тяжелых переживаний. О ее источнике, литературной группе «Кузница» и, в частности, ее члене писателе Феоктисте Березовском, редактировавшем шолоховские рассказы «Двухмужняя» и «Коловерть», а значит, хорошо знакомом с творчеством молодого автора, писала в своих воспоминаниях Е. Г. Левицкая: «Повод для подобной реакции, бесспорно, был. Судите сами: первый рассказ М. Шолохова „Родинка“ увидел свет в газете „Молодой ленинец“ 14 декабря 1924 г. — всего три года назад! Две первых книжки рассказов появились в „юношеском секторе“ издательства „Новая Москва“ год назад. Некоторые из них — „Двухмужняя“, „Коловерть“ — редактировал тот самый Ф. Березовский. И вдруг — такой силы роман! Левицкая упоминала Березовского не случайно. Его, как и объединение „Кузница“ в целом, куда Березовский входил, назовет в качестве инициатора слухов и Шолохов. В таких уродливых формах проявляла себя групповая борьба в литературе: нападая на Шолохова, чей роман был опубликован в журнале „Октябрь“, „Кузница“ сводила счеты с рапповским журналом. Да и рапповцы не отставали в распространении слухов. Многие писатели помнили этого казачка в потертом полушубке и сдвинутой на затылок кубанке, который предлагал редакциям молодежных журналов свои рассказы, а некоторые, как тот же Березовский, и редактировали их. И они никак не могли поверить, что этот казачок из глухой донской станицы мог написать такой роман. Писателями двигали, прежде всего, зависть и ревность к молодому, неизвестному писателю, вдруг превратившемуся в самую яркую звезду на литературном небосклоне» [Цит. по: Кузнецов, 2005, с. 424–425].

Об этом же М. А. Шолохов писал супруге: «Писатели из „Кузницы“ Березовский, Никифоров, Гладков, Малышкин, Санников и пр. людишки с сволочной душонкой сеют эти слухи и даже имеют наглость выступать публично с заявлениями подобного рода» [Кузнецов, 2005, с. 29].

Любопытно проследить, в какие годы названные писатели вступили в партию: Ф. Березовский — в 1904 г. [Русакова, 1962, стб. 558], Г. Никифоров — в 1917 г. [Печко, 1968, стб. 281], Ф. Гладков — в 1906 г. [Ульрих, 1964, стб. 192], Г. Санников — в 1917 г. [Еленина, 1971, стб. 648]. Малышкин родился в 1892 г., сведений о его вступлении в партию не обнаружено. Как видно, все перечисленные писатели, с которыми связывали возникновение и распространение слухов о мнимом плагиате «Тихого Дона», вступили в партию позже, чем Е. Г. Левицкая, а значит, ее не только профессиональный редакторский, но и партийный авторитет был в каком-то смысле выше, учи-

тывая партийный стаж. Возможно, в этом заключается один из смыслов указания на конкретный год вступления Е. Г. Левицкой в партию. М. А. Шолохов как бы отвечает своим клеветникам: как вы ни старались, а вес моего защитника и друга все равно больше, а значит, моя правота и с этой точки зрения очевидна.

Заключение

Итак, посвящение в рассказе М. А. Шолохова играет значительную роль не только как знак благодарности писателя редактору «Московского рабочего», своей «второй маме», активно способствовавшей началу публикации «Тихого Дона». Обращение к малоизвестным трагическим фактам биографии ближайших родственников Е. Г. Левицкой дает возможность увидеть ранее скрытые смысловые планы произведения, связанные с оставшимся нереализованным мотивом ареста бежавшего из плена Андрея Соколова офицером Смерша. Значимым является упоминание и КПСС, а не РСДРП(б), и года вступления Левицкой в партию — 1903.

Список источников

- Андронников И.* Загадка Н. Ф. И. Таинственные буквы // Я хочу рассказать вам... Рассказы. Портреты. Очерки. Статьи. М.: Сов. писатель, 1962. С. 7–34.
- Анкета партийной переписи 1926 г. Е. Г. Левицкой // Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 9. Д. 1824.
- Васильев В. В.* «Судьба человека». Комментарии // Шолохов М. А. Собр. соч. : в 9 т. М.: Книжный клуб — Терра, 2001. Т. 7. С. 367–371.
- Веселова Н. А.* Заголовочный комплекс в новейшей русской поэзии: традиции и эксперимент // Литературный текст: проблемы и методы исследования : сб. науч. тр. Тверь: Тверской гос. ун-т, 1999. Т. 5. С. 44–52. EDN: TQXGLT.
- Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Л.: Наука, 1976. Т. 14. 512 с.
- Еленина Ф.* Санников Г. А. // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энциклопедия, 1971. Т. 6. Стб. 648–449.
- Калашников В. А.* Посвящение // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. Т. 5 : Мурари — Припев / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энциклопедия, 1968. Стб. 904–905.
- Кокта М. Д.* В станице Вешенской // Михаил Шолохов в воспоминаниях, дневниках, письмах и статьях современников. Кн. 2 : 1941–1984 / под ред. В. В. Петелина. М.: Шолоховский центр МГОПУ им. М. А. Шолохова, 2005. С. 474–494.
- Колодный Л. Е.* Кто написал «Тихий Дон». Хроника одного поиска. М.: Голос, 1995. 445 с.
- Кудряшова А. А.* Левицкая М. К. // Шолоховская энциклопедия / гл. ред. Ю. А. Дворяшин. М.: Синергия, 2012. С. 393.
- Кузнецов Ф. Ф.* Судьба и правда великого романа. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 863 с.
- Куприн А. И.* Яма // Куприн А. И. Собр. соч. : в 9 т. М.: Огонек, Правда, 1964. Т. 6. С. 5–311.
- Ламзина А. В.* Рама произведения // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. М.: Интелвак, 2001. Стб. 848–853.
- Левицкая Е. Г.* Две тетради Евгении Левицкой. Письма автора «Тихого Дона» [воспоминания], к 100-летию со дня рождения Михаила Шолохова / публ. Л. Колодно-го. М.: Голос-Пресс, 2005. 301 с.
- Левицкая Е. Г.* (а) Из жизни одесского подполья (из воспоминаний, 1901–1907 гг.) // Пролетарская революция. 1922. № 6. С. 135–157.
- Левицкая Е. Г.* (б) Памяти старого друга // Пролетарская революция. 1922. № 8. С. 5–7.
- Макаренко А. С.* Сила советского гуманизма // Пед. соч. : в 8 т. М.: Педагогика, 1986. Т. 7. С. 64–66.

- Осипов В. О. Шолохов. М.: Молодая гвардия, 2005. 627 с.
- Самсонов А. Министерство обороны развеяло миф о том, что Сталин отправил всех военнопленных в ГУЛАГ [Электронный ресурс] // Военное обозрение. 2011. 5 февр. URL: <https://topwar.ru/3275-ministerstvo-oborony-razveyalo-mif-o-tom-chto-stalin-otpravil-vsex-voennoplennykh-v-gulag.html> (дата обращения: 23.07.2025).
- Пермитин Е. Русский характер // Лит. газета. 1957. 21 марта. С. 1.
- Печко Л. П. Никифоров Г. К. // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энциклопедия, 1968. Т. 5. Стб. 281.
- Регистрационный бланк члена ВКП(б) Е. Г. Левицкой 1936 г. // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 99. Левицкая Е. Г.
- Ротштейн Э. Примечания // Куприн А. И. Собр. соч. : в 9 т. М.: Огонек, Правда, 1964. Т. 6. С. 450–470.
- Русакова А. Ф. Березовский Ф. А. // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энциклопедия, 1962. Т. 1. Стб. 558–559.
- Список присутствующих на организационном собрании группы подпольщиков Одесской партийной организации // РГАСПИ. Ф. 70. Оп. 3. Д. 54.
- Стопченко Н. И. Хемингуэй // Шолоховская энциклопедия / гл. ред. Ю. А. Дворяшин. М.: Синергия, 2012. С. 981.
- Толова Г. Тургенев и Флобер [Электронный ресурс] // Филолог. 2009. № 9. URL: https://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_9_166 (дата обращения: 18.07.2025). EDN: OOEJF.
- Тургенев И. С. Песнь торжествующей любви // Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Соч. : в 12 т. 2-е изд., испр. и доп. М.: Наука, 1982. Т. 10. С. 47–66.
- Ульрих Л. Н. Гладков Ф. В. // Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Сов. энциклопедия, 1964. Т. 2. Стб. 192–195.
- Ульянова В. Ираклий Андронников и лермонтовские «Тарханы» [Электронный ресурс]. URL: https://tarhany.ru/publikacii/publikacii_o_muzee_press/2023/andronnikov_i_lermontovskie_tarhany (дата обращения: 18.07.2025).
- Шахмагонов Ф. Ф. Бремя «Тихого Дона» // Молодая гвардия. 1997. № 5. С. 90.
- Шолохов: советский, русский, всемирный // Филологические штудии в научной школе профессора Ю. И. Минералова : юбилейный круглый стол / ред. Л. А. Карпушкина, И. Г. Минералова. М.: Литера, 2024. С. 67–74.
- Шолохов М. А. Письма / под общ. ред. А. А. Козловского [и др.]. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 478 с.
- Шолохов М. А. Судьба человека // Собр. соч. : в 8 т. М.: Худож. лит., 1986. Т. 7. С. 528–557.
- Шолохов М. М. Книга об отце. Воспоминания-размышления разных лет. Ростов н/Д.: Донской издат. дом, 2009. 224 с.

References

- Andronnikov, I. (1962). The riddle of N.F.I. Mysterious letters. *I Want to Tell You... Stories. Portraits. Essays. Articles*. Moscow, Soviet Writer, pp. 7-34. (In Russian).
- Dostoevsky, F. M. (1976). *Complete works and letters*: in 30 vols. Leningrad, Science, vol. 14, 512 p. (In Russian).
- Kalashnikov, V. A. (1968). Dedication. *Brief literary encyclopedia*: in 9 vols. A. A. Surkov (ed.). Moscow, Soviet Encyclopedia, vol. 5, columns 904-905. (In Russian).
- Karpushkina, L. A. and Mineralova, I. G., eds. (2024). Sholokhov: Soviet, Russian, World. *Philological studies in the scientific school of professor Yu. I. Mineralov*. Anniversary Round Table. Moscow, Litera, pp. 67-74. (In Russian).
- Kokta, M. D. (2005). In the stanitsa of Veshenskaya. *Mikhail Sholokhov in the memories, diaries, letters, and articles of contemporaries*. V. V. Petelin (ed.). Moscow, Sholokhov Center of the Sholokhov Moscow State Pedagogical University, book 2, pp. 474-494. (In Russian).
- Kolodny, L. E. (1995). *Who wrote "And Quiet Flows the Don"?* Chronicle of a search. Moscow, Voice, 445 p. (In Russian).

- Kudryashova, A. A. (2012). Levitskaya M. K. *Sholokhov encyclopedia*. Yu. A. Dvoryashin (ed.). Moscow, Synergy, p. 393. (In Russian).
- Kuprin, A. I. (1964). The pit. *Collected works*: in 9 vols. Moscow, Flame, Truth, vol. 6, pp. 5-311. (In Russian).
- Kuznetsov, F. F. (2005). *The fate and truth of the great novel*. Moscow, Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 863 p. (In Russian).
- List of those present at the organizational meeting of the underground group of the Odessa party organization. *Russian State Archives of the Socio-Political History of Russia* (hereinafter - RSASPH). Fund 70. In. 3. File 54. (In Russian).
- Lamzina, A. V. (2001). The frame of the work. *Literary encyclopedia of terms and concepts*. A. N. Nikolyukin (ed.). Moscow, Intelvak, columns 848-853. (In Russian).
- Levitskaya, E. G. (1922a). From the life of the Odessa underground (from memoirs, 1901-1907). *Proletarian Revolution*, no. 6, pp. 135-157. (In Russian).
- Levitskaya, E. G. (1922b). In memory of an old friend. *Proletarian Revolution*, no. 8, pp. 5-7. (In Russian).
- Levitskaya, E. G. (2005). *Two notebooks of Evgenia Levitskaya. Letters from the author of "And Quiet Flows the Don" [memoirs], on the 100th anniversary of Mikhail Sholokhov's birth*. L. Kolodny (publ.). Moscow, Voice-Press, 301 p. (In Russian).
- Makarenko, A. S. (1986). The power of Soviet humanism. *Pedagogical works*: in 8 vols. Moscow, Pedagogics, vol. 7, pp. 64-66. (In Russian).
- Osipov, V. O. (2005). *Sholokhov*. Moscow, Young Guard, 627 p. (In Russian).
- Pechko, L. P. (1968). Nikiforov G. K. *Brief literary encyclopedia*: in 9 vols. A. A. Surkov (ed.). Moscow, Soviet Encyclopedia, vol. 5, column 281. (In Russian).
- Permitin, E. (1957). Russian character. *Literary Gazette*, March 21, p. 1. (In Russian).
- Questionnaire for the 1926 party census by E. G. Levitskaya. *RGASPI*. Fund 17. In. 9. File 1824. (In Russian).
- Registration form of a member of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) by E. G. Levitskaya, 1936. *RSASPH*. Fund 17. In. 99. Levitskaya E. G. (In Russian).
- Rotshteyn, E. (1964). Notes. Kuprin A. I. *Collected works*: in 9 vols. Moscow, Flame, Truth, vol. 6, pp. 450-470. (In Russian).
- Rusakova, A. F. (1962). Berezovsky F. A. *Brief literary encyclopedia*: in 9 vols. A. A. Surkov (ed.). Moscow, Soviet Encyclopedia, vol. 1, columns 558-559. (In Russian).
- Samsonov, A. (2011). The Ministry of Defense dispelled the myth that Stalin sent all prisoners of war to the GULAG. *Military Review*, February 5. Available at: <https://topwar.ru/3275-ministerstvo-oborony-razveyalo-mif-o-tom-chto-stalin-otpravil-vsex-voennoplennyyx-v-gulag.html> (accessed 23 July 2025). (In Russian).
- Shakhmagonov, F. F. (1997). The burden of "And Quiet Flows the Don". *Young Guard*, no. 5, p. 90. (In Russian).
- Sholokhov, M. A. (1986). The fate of a man. *Collected works*: in 8 vols. Moscow, Fiction, vol. 7, pp. 528-557. (In Russian).
- Sholokhov, M. A. (2003). *Letters*. A. A. Kozlovsky et al. (eds.). Moscow, Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences, 478 p. (In Russian).
- Sholokhov, M. M. (2009). *A book about my father: memories and reflections from different years*. Rostov-on-Don, Don Publishing House, 224 p. (In Russian).
- Stopchenko, N. I. (2012). Hemingway. *Sholokhov encyclopedia*. Yu. A. Dvoryashin (ed.). Moscow, Synergy, p. 981. (In Russian).
- Tolova, G. (2009). Turgenev and Flaubert. *Philologist*, no. 9. Available at: https://philolog.pspu.ru/module/magazine/do/mpub_9_166 (accessed 18 July 2025). (In Russian). EDN: OOESJF.
- Turgenev, I. S. (1982). Song of triumphant love. *Complete works and letters*: in 30 vols. *Works*: in 12 vol. 2nd ed., rev. and add. Moscow, Science, vol. 10, pp. 47-66. (In Russian).
- Ulrich, L. N. (1964). Gladkov F. V. *Brief literary encyclopedia*: in 9 vols. A. A. Surkov (ed.). Moscow, Soviet Encyclopedia, vol. 2, columns 192-195. (In Russian).

Ulyanova, V. *Irakli Andronnikov and Lermontov's "Tarkhans"*. Available at: https://tarhany.ru/publikacii/publikacii_o_muzee_press/2023/andronnikov_i_lermontovskie_tarhany (accessed 18 July 2025). (In Russian).

Vasiliev, V. V. (2001). "The Fate of a Man". Commentaries. Sholokhov M. A. *Collected works*: in 9 vols. Moscow, Book Club - Terra, vol. 7, pp. 367-371. (In Russian).

Veselova, N. A. (1999). The title complex in modern Russian poetry: traditions and experiments. *Literary text: problems and research methods*. Collection of scientific works. Tver, Tver State University, vol. 5, pp. 44-52. (In Russian). EDN: TQXGLT.

Yelenina, F. (1971). Sannikov G. A. *Brief literary encyclopedia*: in 9 vols. A. A. Surkov (ed.). Moscow, Soviet Encyclopedia, vol. 6, columns 648-449. (In Russian).

Сведения об авторе

Васильев Сергей Анатольевич — докт. филол. наук, профессор департамента филологии, Институт гуманитарных наук, okdomovenok@yandex.ru

Information about the Author

Sergey A. Vasilyev – Ph.D. in Philology, professor of the Philology Department, Institute of Humanities, okdomovenok@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 21.01.2026; одобрена после рецензирования 09.04.2026; принята к публикации 09.04.2026.

The article was submitted 21.01.2026; approved after reviewing 09.04.2026; accepted for publication 09.04.2026